

*Н. С. Мовнина***КОНЦЕПЦИЯ ДОЛГА В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» В КОНТЕКСТЕ ЭТИЧЕСКИХ ПОИСКОВ СЕРЕДИНЫ XIX В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Этическая концепция И. С. Тургенева, появившаяся у него во второй половине 1850-х годов (в повести «Фауст» и романе «Дворянское гнездо»), рассматривается в статье в связи с историей русского понятия «долг». Тургеневская концепция анализируется с учетом контаминации в русском слове представлений о христианском и гражданском долге и предстает как переосмысление этических принципов дворянства в ситуации кардинальных социальных изменений. Библиогр. 14 назв.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, русское дворянство, этические идеи, долг.

THE CONCEPTION OF “DOLG” IN I. S. TURGENEV’S NOVEL “HOME OF THE GENTRY” AND THE ETHICAL IDEAS IN THE MID-19TH CENTURY*N. S. Movnina*

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article considers I. S. Turgenev’s conception of “dolg” presented in his works “Faust” and “Home of the Gentry” in the late 1850s and its connection to the history of the Russian concept “dolg”. The analysis of Turgenev’s contribution to the conceptual history takes into account the semantic aspects of the Russian word “dolg” relating to Christian and public duty (debt). Turgenev’s ethical ideas are regarded as an effort to rethink the moral principles and ideals of the Russian gentry during the radical social changes. Refs 14.

Keywords: I. S. Turgenev, Russian gentry, ethical ideas.

В русской культуре XIX в. понятию «долг» принадлежит особое место. К 1870-м годам понятие привело к образованию народнической идеологемы «долг перед народом» и стало одним из ключевых терминов морального языка русской интеллигенции. В то же время по своему происхождению оно связано с формированием в XVIII в. этоса дворянства. Понятие «долг» в русском языке исследовалось в рамках истории понятий [Маслов, с. 328] — дисциплины, сконцентрированной на том, как история слов пересекается с историей социальных практик. Специфика «долга» здесь определяется контаминацией древнерусского понятия долга христианина (с лежащей в его основе метафорикой «задолженности» перед Богом и долгов-грехов) и заимствованного в XVIII в. представления о гражданском долге (officium). Различие этих двух семантических линий в том, что в первом случае подразумевается наличие высшей инстанции — «заимодавца», которому должен быть возвращен/оплачен «долг» (исходный экономический смысл «долга» здесь распознается вполне отчетливо), тогда как во втором случае долг — это обязанность, определяемая местом человека в обществе-государстве (с импликациями социального контракта). Наиболее существенным в случае русского понятия «долг» оказалось то, что семантика христианского долга-задолженности имела глубокое влияние на представление о гражданском долге: ее сохранение внутри новообразованного понятия дворянской «должности» привело к сакрализации последней (ср.

в «Недоросле» (1782) Д. И. Фонвизина: *«Подумай, что такое должность. Это тот священный обет, которым обязаны мы всем тем, с кем живем и от кого зависим»* [Фонвизин, с. 153]) и превращению ее в общезначимую нравственную установку, которая на деле, благодаря тому что дворянство было единственной влиятельной общественной силой, воспринималась как преимущественно дворянская миссия и привилегия.

После «Указа о вольности дворянской» (1762) дворянский долг все меньше ассоциируется с государственной службой, возникает представление о долге помещика, в котором управление крестьянами рассматривается как служба, имеющая первостепенную общественную значимость. *«Главное право русского дворянина — быть помещиком, главная должность его — быть добрым помещиком; кто исполняет ее, тот служит отечеству как верный сын, тот служит монарху как верный подданный»*, — пишет Н. М. Карамзин в «Письме о сельском жителе» (1803), в котором закладываются устойчивые элементы рассуждения о помещичьем долге [Карамзин, с. 296]. «Долг помещика» определяется и как обязанность по отношению к крестьянам при определенных различиях ее обоснования. В рамках сословно-патриархальной модели забота помещика о пользе крестьян — *«500 человек, вверенных ему судьбой»*, — прежде всего рассматривается как христиански-отеческое попечение об их нравственности, от которой зависит их благосостояние, что знаменательным образом соединяется с идеей крестьянских «должностей» (у Карамзина помещик, советуясь со священником, *«на досуге сочинил катихизис, самый простой и незатейливый, в котором объясняются должности поселянина, необходимые для его счастья»* [Там же, с. 293]). В то же время в представлении о долге помещика по отношению к крестьянам может акцентироваться связь привилегированности и гражданской ответственности дворянства: *«Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши... Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении»* (А. С. Пушкин «Роман в письмах», 1829 — опубл. 1857) [Пушкин, с. 484–485].

Таким образом, «долг помещика» объединяет идею дворянской должности-службы (ради государственного, общественного блага) и личной ответственности перед Богом за судьбы вверенных ему, в силу положения в сословной иерархии, людей. Однако со второй трети XIX в. усиливающееся разнообразие жизненных траекторий дворянства ведет к размыванию общих моральных образцов и распадению прежних нормативных представлений о «долге» и его реинтерпретациям разной идеологической направленности. Так, письмо Гоголя «Русской помещик» (1846), которое отражает влияние Карамзина¹ и создается в период острого кризиса всей традиционной структуры общества, связано с попытками найти для нее новое основание в переосмыслении главенствующей общественной роли дворянства, предназначенного, по убеждению писателя, *«быть сосудом и хранителем нрав-*

1 Ср.: «Ты, не служа доселе ревностно ни на каком поприще, сослужишь такую службу государю в званьи помещика, какой не сослужит иной великочинный человек. Что ни говори, но поставить 800 подданных, которые все как один и могут быть примером всем окружающим своей истинно примерною жизнью, — это дело не бездельное, а служба истинно законная и великая» [Гоголь, с. 328].

ственного чувства всей нации» («О сословиях в государстве», ок. 1845–1846, опубл. 1896) [Гоголь, с. 493]. «Долг» понимается Гоголем прежде всего как служба человека «на своем месте», «месте в своем государстве», которое определяется именно сословной принадлежностью, но эта служба имеет характер религиозного служения. Исполняя сословные «обязанности», человек исполняет свой религиозный долг («всяк должен служить Богу на своем месте, а не на чужом» [Гоголь, с. 322]). Отсюда попытка по видимости упрочить (или возродить) сословно-патриархальные отношения, опираясь на глубоко внутреннее переживание долга перед Богом: «если только помещик взглянул глазом христианина на свою обязанность, то не только он может укрепить старые связи, о которых толкуют, будто они исчезли навеки, но связать их новыми, еще сильнейшими связями, — связями во Христе, которых уже ничего не может быть сильнее» [Гоголь, с. 328].

Десятилетие спустя Л. Толстой в «Утре помещика» (1856), начиная с набора по видимости схожих представлений о «священной и прямой обязанности заботиться о счастье этих семисот человек, за которых я должен буду отвечать богу» [Толстой, с. 322], заканчивает распадом дискурса патриархальной заботы — не только потому, что его помещик испытывает постоянные разочарования «в надежде тронуть мужика и увещаниями обратить на путь истинный», но и потому, что здесь подорвана сама инстанция патриархальной власти: «ему все казалось, что неприлично ему, имеющему власть, усовещивать своего мужика» [Там же, с. 344]. В толстовском тексте попытка заново соединить «благородную, блестящую и ближайшую обязанность» [Там же, с. 323] дворянина с христианской долгом сталкивается с несовместимостью универсальной нравственной позиции и социальной привилегированности. В то же время характерно выдвижение на первый план проблемы личной нравственности, где центральным (хотя и обнаруживающим свои противоречивые мотивы) переживанием становится стремление к «полноте нравственно-удовлетворенного чувства» [Там же, с. 365].

Недостаточность «долга» как формального требования, принадлежащего традиционному языку дворянских обязанностей, обозначается у Толстого через несоответствие между внешней формой поведения и внутренними побуждениями «я». В стремлении к целостному бытию, в котором бы не было противоречия между внешним и внутренним, а переживание счастья основывалось на гармонических отношениях с другими, отзывается та тенденция переосмысления морально-этических понятий, которая приняла наиболее радикальный характер в философских кружках 1830-х годов, культивировавших «сознательное», теоретическое отношение к собственной жизни и рефлексии над всем словарем, с помощью которого она могла быть осмыслена. Весь традиционный язык моральных понятий здесь требовал ревизии и соотносился с задачей построения индивидуальной мировоззренческой системы. Переоценка подобных понятий прежде всего предполагала отказ от их устойчивых, извне заданных определений и превращение их в категории внутренней жизни личности, которая и сама, в свою очередь, подлежала пересозданию. Все общие понятия получали обоснование исходя из индивидуального «я», которое в то же самое время должно было стремиться к осознанию своих связей с мирозданием. Важным моментом становилась критика тех «нормативных» значений, которые традиционно соотносились с «исполнением семейных, общественных и гражданских обязанностей нашего быта», по выражению отца одного из наи-

более ярких представителей кружковой философии 1830-х, М.Бакунина, крайне обеспокоенного «мечтательными теориями и пустословием» сына, «толкующего о какой-то внутренней жизни», которая ему «все заменяет» [Корнилов, с. 141]. Одновременно происходило сплавление значений, почерпнутых из религиозного языка, с «новыми», абстрактно-философскими категориями. Тем самым философский язык подвергался «экзистенциализации», претендовал на статус языка жизненной практики, в то время как семантическая устойчивость слов, заданная общепонятными «официальными» контекстами их употребления, разрушалась, а они сами превращались в знаки новой духовной жизнедеятельности².

Подобным образом переосмысливалась и категория «долга» — за счет отказа от внешних моральных инстанций и признания внутренней жизни «я» как источника этической установки. При этом «долг» мыслился не как принуждение, но как достижение такой степени развития «я», на которой личные стремления совпадают с общим бытием, «долг» становится «любовью». Характерный фрагмент из письма Н.В.Станкевича трактует понятие «долга» фактически как его противоположность: *«Тяжкое повиновение долгу, наложенному извне, есть благородная ошибка; благородная, ибо здесь исполнена часть нашего назначения, отречение от своего спокойствия, от эгоизма, приближающего нас к животности; ошибка — ибо это отречение не сопровождается внутренним единством бытия, гармониею, которая запечатлевает всякое совершенство, всякое дело божье. Самоотвержение любви, самоотвержение по внутреннему голосу души, самоотвержение, которым питается и радуется чистое сердце, — вот жизнь религиозная, ибо в ней есть любовь! <...> Все наше достоинство — в приближении к этой жизни, в очищении, в возвышении себя до этой любви...»* [Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840, с. 609–610] По существу, единственным «долгом» человеческой личности становилось самовоспитание, благодаря которому она начинала мыслить себя в категориях всеобщности: *«На конце всего воззрения стояли нравственные обязанности, и одна из необходимейших обязанностей — высвободить в себе самую божественную часть мировой идеи от всего случайного, нечистого и ложного, для того, чтобы иметь право на блаженство действительного, разумного существования»*, — писал П. В. Анненков о Станкевиче [Анненков, с. 286]. В то же время, несмотря на апроприацию религиозного языка, в мирозерцании идеалистов, в отличие от традиционной религии, именно «я» являлось абсолютным центром, и этим оно оказывалось близко этическим взглядам 1850–1860-х и всем идеологам свободной, не скованной традицией личности и рационально достижимой гармонии между личностным и общечеловеческим.

² Так, например, переосмысление понятия «любовь» подразумевало, с одной стороны, разоблачение всех распространенных в обществе формальных и ложных представлений о любви, а с другой — перетолкование религиозных категорий «любви к ближнему», «любви к Богу» в универсально-философском ключе: *«Что значит любовь к человечеству? Затверженные слова Евангелия: "Любите друг друга как самих себя". Любовь к науке? Желание прослыть ученым. Любовь семейная? Привычка и обязанности. Любовь к богу? Боязнь ада и желание рая. Вот вам любовь нашего общества, вот вам и жизнь его, — писал М. Бакунин, вдохновляясь учением Фихте. — Цель жизни, предмет истинной любви — бог, не тот бог, которому молятся в церквях; не тот, которому думают нравиться унижением перед ним; не тот, который отдельно от мира судит живых и мертвых, — нет! Но тот, который живет в человечестве; тот, который возвышается с возвышением человека; тот, который языком Иисуса Христа произнес священные слова Евангелия; тот, который говорит в поэте»* [Бакунин, с. 210–211].

Особый вклад в историю понятия «долг» внесла тургеневская трактовка этой категории, оформившаяся в конце 1850-х годов. Тургеневский роман «Дворянское гнездо» (1859) непосредственно связан с идеей «помещичьего долга», которая актуализируется и заново формулируется в преддверии реформ. В 1859 г. Тургенев работает над неоконченной статьей «Несколько мыслей о современном значении дворянства», где апеллирует к идее дворянской «службы» в новой исторической ситуации: *«Р<усский> д<ворянин> служит земле... но есть различные службы. Было время, когда дворяне служили земле, умирая под стенами Казани, в степях Азовских; но не всегда одной крови требует от нас наше отечество; есть другие жертвы, другие труды и другие службы — и наше дворянство не отказывалось от них»* [Тургенев, с.285]³. О том, что составляет главную задачу образованного класса, Тургенев высказывался еще раньше в статье «Несколько замечаний о русском хозяйстве и русском крестьянстве» (1846), по существу соотнося вопросы о «будущности, о значении нашего дворянства» с осознанием им своей общественной миссии и готовностью пойти на изменения привычного уклада жизни. Тургеневский роман может отчасти рассматриваться как попытка найти обоснование гражданского самосознания конца 1850-х годов в идее сословного долга.

В «Дворянском гнезде» обязанность помещика, опирающаяся на традиционные представления о «службе», получает новое определение и уже предстает как акт этического выбора; она вводится словами: *«то, что он <Лаврецкий> признал своим долгом»* (VI, 135). Речь при этом идет о подчеркнуто «положительных» хозяйственных преобразованиях в поместье (требующих «учения» и «труда», — *«пахать землю <...> и стараться как можно лучше ее пахать»* VI,102), итогом которых становится то, что герой романа *«обеспечил и упрочил быт своих крестьян»* (VI, 157). В черновом варианте «Дворянского гнезда» также присутствует мотив «нравственного просвещения» крестьян, но не в патриархально-консервативном, а в либеральном варианте: Лаврецкий *«поднял их нравственно, вселил в них, вместе с сознанием упроченной собственности, чувство обязанности и чувство права — те чувства, которыми до сих пор так еще бедна богатая русская душа»* (VI, 394). Однако в романе совершается знаменательный переход: от представления о долге как о «деле» (полезной деятельности ради общего блага — установка, которая, начиная с просветительских инвектив против праздности и лени и вплоть до гегельянского преклонения перед «действительностью», была связана с осознанием причастности обществу, истории и т.д.) к идее долга как отречения (отказа от «своекорыстных целей» при сохранении «способности к деятельности», которая предстает в качестве своего рода светской аскетической практики автономной личности). Долг помещика в романе оказывается противопоставлен стремлению к личному счастью: *«Что могло оторвать его <Лаврецкого> от того, что он признал своим долгом, единственной задачей своей будущности? Жажда счастья — опять-таки жажда счастья!»* (VI, 135).

Как известно, концепция долга как отречения от счастья появилась у Тургенева еще раньше в повести «Фауст» (1856) лишь в намеченной связи с гражданским долгом (*«Любовь все-таки эгоизм; а в мои годы эгоистом быть непозволительно-*

³ В дальнейшем ссылки на произведения Тургенева даются по этому изданию с указанием в тексте номера тома и страницы в круглых скобках.

но: *нельзя в тридцать семь лет жить для себя; должно жить с пользой, с целью на земле, исполнять свой долг, свое дело*» — V, 119) и вызвала резкое неприятие демократической критики. В статье, посвященной изданию переписки Н. В. Станкевича (1858), Н. Добролюбов негативно оценивает такой взгляд, который «*по потребности человеческой природы <...> прямо признает противными требованиям долга*» [Добролюбов, с. 67], оказываясь в этом союзником кружкового идеализма 1830-х годов. Позиции последнего присутствуют как своеобразный полемический контекст для понимания долга в «Дворянском гнезде» — как моральное сознание, которое конституируется через переживание своего полного единения с «общим»: обществом, человечеством, историей, как это обозначается в словах университетского приятеля Лаврецкого — Михалевича: «*Помещик, дворянин — и не знает, что делать! Веры нет, а то бы знал; веры нет — и нет откровения! <...> И когда же, где же вздумали люди обайбачиться <...> У нас! Теперь! В России! когда на каждой отдельной личности лежит долг, ответственность великая перед Богом, перед народом, перед самим собою!*» (VI, 77). Осознание долга для центрального героя романа, однако, не ведет к «*блаженству разумного существования*» и почти религиозному служению высшей общности; напротив, гармоническая приобщенность «я» миру зданию уступает место расколу: отделению этики долга от естественных стремлений личности. Но равным образом не возникает и совпадения с традиционным религиозным пониманием долга как платы за грехи, молчаливым «идеологом» которого в романе является Лиза (своим уходом в монастырь, помимо собственных грехов, Лиза возвращает отцовские долги Богу — грех несправедливо нажитого состояния). Несмотря на ряд мотивов, представляющих историю рода Лаврецкого как забвение дворянского долга заботиться о «земле» и благе крестьян, идея родовой вины или греха не становится определяющей в переосмыслении долга помещика. Особенностью того морального субъекта, который воплощается в герое «Дворянского гнезда», оказывается его неукорененность ни в традиционной религиозности, ни в секуляризованном идеализме. Признавая над собой моральный принцип, ведущий к безрадостному самоограничению, он, как это и предполагается этическим учением Канта, к которому восходит тургеневская концепция (см. подробнее: [Бельская]), не подчинен никакому высшему началу, отказ от «*свокорыстных целей*» связан лишь с сохранением человеческого достоинства. При этом само требование «*остаться порядочным человеком до конца...*» (VI, 157) можно рассматривать как универсализацию дворянской этики, представления о «человеке чести», которое уже в просветительскую эпоху соединяло сословную «честь» с личными добродетелями.

В отличие от формального дворянского долга, этическая позиция в романе берет свое основание в личностной автономии и свободе, тогда как прежние верховные инстанции, по отношению к которым определялось дворянское сознание долга — Бог и монарх, — утрачивают прежнюю власть. В их отсутствие дворянский долг остается соотносен с обществом-государством, но ему не хватает источника сакрализации. Эта нехватка ощущается не только в проекции на историю дворянского долга, но и в контексте последующей этики служения новому «суверену» — народу, «долг» перед которым образованное русское общество осознает к концу 1860-х годов. В «Дворянском гнезде», при сохранении до некоторой степени патерналистского отношения помещика к крестьянам, забота о них уже не мыслится

его христианским долгом, равно как речь не идет о признании им своих грехов перед ними или уплате «долга», как в концепциях Н. Михайловского и П. Лаврова. Слова Лаврецкого о необходимости *«признания народной правды и смирения перед нею»* (VI, 102), трактовавшиеся народнически ориентированными читателями исходя из сложившегося позже культа «народа», не делают народ носителем высшей истины, но в плоскости социальных реформ соотносятся с тем же принципом ограничения «фаустовских» притязаний⁴. Тем не менее ощущение подорванности сословной иерархии действительно возникает в романе, но связано оно с тем, что в нем присутствует иной род универсальной связи, преодолевающей сословные различия и принимающий характер всеобщей уравниности перед властью природы⁵ и смерти. Кантовское принуждение к самоограничению и отречение от счастья накладывается на общечеловеческий «долг естеству»⁶ (несчастье мужика, потерявшего сына, подобно несчастью Лаврецкого, подобно несчастью его матери). «Покорность» и «смирение» — квазирелигиозные мотивы в романе, в большей степени связанные с античной топикией, которая гораздо отчетливее обнаружит себя в следующем тургеневском романе «Накануне» (1860) в рассуждениях об изначальной виновности каждого человеческого существа (*«каждый из нас виноват уже тем, что живет...»* — VI, 297).

В целом тургеневская концепция долга продолжает переосмысление дворянской этики уже после того, как ее официальные «формы» были кардинально перетолкованы русским идеализмом. Возвращаясь к идее «долга», эта концепция остается воплощением того импульса к этическому творчеству, который в нем присутствовал. «Долг» пересоздан в романе как принцип поведения, ограничивающий претензии личности на безграничное расширение своего «я» и основывающий деятельность на идее чужого блага, не соотносимого с собственными интересами, т. е. то «отречение», с которым было связано для Тургенева самопостроение нравственной личности. Однако такое понимание диссонировало с этикой новых демократических групп, выступающих на историческую сцену в 1850-е и 1860-е годы. Возвращение к идее «долга» в 1870-е было открыто полемично тому избытку свободы, с которым дворянский герой устанавливал над собой нравственный закон, отрекался от счастья и «отдавал себя, свое поколение на жертву» (VI, 106). В книге очерков «В переमेжку» (1876–1877) Н. К. Михайловский, полемизируя со словами одного из персонажей романа Достоевского «Подросток» о том, что дворянство единственное в истории русского общества имело *«законченные формы чести и долга»*, утверждает, что на самом деле их подлинные формы только начали вырабатываться у современных ему представителей этого сословия, «кающихся дворян», и должны быть связаны с *«чувством личной ответственности за свое общественное положение»* (279) [Михайловский, с. 275]. Прозрачно намекая на тургеневские произведе-

⁴ О возможностях интерпретации этической позиции героя как *«пробуждения народной правды в отдельном человеке»* см. в [Маркович, с. 145, 144–150].

⁵ Ср. *«Вот когда я попал на самое дно реки», — сказал он <Лаврецкий> самому себе не однажды. Он сидел под окном, не шевелился и словно прислушивался к теченью тихой жизни, которая его окружала, к редким звукам деревенской глуши <...> И всегда, во всякое время тиха и неспешна здесь жизнь, — думает он, — кто входит в ее круг — покоряйся: здесь незачем волноваться, нечего мутить; здесь только тому и удача, кто прокладывает свою тропинку не торопясь, как пахарь борозду плугом»* (VI, 64).

⁶ Об этом топосе также см. подробнее: [Маслов, с. 227–228].

ния, рассказчик у Михайловского ведет речь о «*маленькой передвижке в старом шаблоне красоты*»: от героя, «*сознательно приносящего жертвы, благотельствующего, освобождающего*» к герою, который «*исходит из своего личного дела, из сознания своих собственных грехов, требующих искупления*» [Михайловский, с. 277–279]. Оставаясь зависимой от этоса дворянства, концепция Михайловского, которой предстояло сыграть важную роль в самосознании русской интеллигенции, отныне ставила дворянский «долг» под знак рессантимента.

Литература

- Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки: собр. статей и заметок: в 3 т. Т. 3. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1881. 383 с.
- Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876: в 4 т. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 488 с.
- Бельская А. А. Тургенев и Гончаров: этико-философские взгляды писателей // И. А. Гончаров: матер. Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова / под ред. М. Б. Ждановой. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 249–257.
- Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: АН СССР, 1952. 816 с.
- Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. 543 с.
- Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Худож. лит., 1964. 591 с.
- Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1915. 734 с.
- Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). Л.: ЛГУ, 1982. 208 с.
- Маслов Б. От долгов христианина к гражданскому долгу (очерк истории концептуальной метафоры) // Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени / под ред. В. М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 201–270.
- Михайловский Н. К. Сочинения: в 6 т. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1883. Т. 4. 414 с.
- Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 5. 663 с.
- Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1979. 421 с.
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 11. М.: Наука, 1983. 527 с.
- Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. 680 с.

Для цитирования: Мовнина Н. С. Концепция долга в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» в контексте этических поисков середины XIX в. // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 92–100. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.311.

References

- Annenkov P. V. *Vospominaniia i kriticheskie ocherki: sobr. statei i zametok: v 3 t.* [Recollections and Critiques: Collected Papers and Notes: In 3 vols]. Vol. 3. St. Petersburg, M. Stasiulevich Publ., 1881. 383 p. (In Russian)
- Bakunin M. A. *Sobranie sochinenii i pisem. 1828–1876: v 4 t.* [Collected Works and Letters. 1828–1876: In 4 vols]. Vol. 1. Moscow, Vsesoiuznoie obschestvo politkatorzhan i ssyl'nposelentsev Publ., 1934. 488 p. (In Russian)
- Bel'skaia A. A. Turgenev i Goncharov: etiko-filosofskie vzgliady pisatelei [Turgenev and Goncharov: Ethic and Philosophical Views of the Writers]. I. A. Goncharov: *materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 190-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova* [I. A. Goncharov: Proceedings of the International Conference on the 190th Anniversary of I. A. Goncharov]. Ed. by M. B. Zhdanova. Ulyanovsk, Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia Publ., 2003, pp. 249–257. (In Russian)
- Dobroliubov N. A. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected Works: In 9 vols]. Vol. 3. Moscow; Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1962. 543 p. (In Russian)
- Fonvizin D. I. *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [Collected Works: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow; Leningrad, Goslitizdat Publ., 1959. 680 p. (In Russian)
- Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete Collection of Works: In 14 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 816 p. (In Russian)

- Karamzin N.M. *Izbrannye sochineniia: v 2 t.* [Selected Works: In 2 vols]. Vol.2. Moscow; Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1964. 591 p. (In Russian)
- Kornilov A. A. *Molodye gody Mikhaila Bakunina* [Young Years of Mikhail Bakunin]. Moscow, M. i S. Sabashnikovy Publ., 1915. 734 p. (In Russian)
- Markovich V.M. *I. S. Turgenev i russkii realisticheskii roman XIX veka (30–50-e gody)* [I. S. Turgenev and Russian Realistic Novel of 19th Century]. Leningrad, Leningrad State Univ. Press, 1982. 208 p. (In Russian)
- Maslov B. Ot dolgov khristianina k grazhdanskomu dolgu (oчерk istorii kontseptual'noi metafor) [From Christian Debts to Civil Duty (Essay of the History of Conceptual Metaphor)]. *Oчерki istoricheskoi semantiki russkogo iazyka rannego novogo vremeni* [Essays on the Historical Semantics of the Early Modern Russian Language]. Ed. by V.M. Zhivov. Moscow, LRC Publishing House, 2009, pp.201–270. (In Russian)
- Mikhailovskii N. K. *Sochineniia: v 6 t.* [Works: In 6 vols]. Vol.4. St. Petersburg, A.M. Kotomin Publ., 1883. 414 p. (In Russian)
- Pushkin A.S. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works: In 10 vols]. Vol.5. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1960. 663 p. (In Russian)
- Tolstoi L.N. *Sobranie sochinenii: v 22 t.* [Collected Works: In 22 vols]. Vol.2. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1979. 421 p. (In Russian)
- Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete Collection of Works and Letters: In 30 vols]. Vol. 11. Moscow, Nauka Publ., 1983. 527 p. (In Russian)

For citation: Movnina N. S. The Conception of “Dolg” in I. S. Turgenev’s Novel “Home of the Gentry” and the Ethical Ideas in the Mid-19th Century. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 3, pp. 92–100. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.311.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.
Статья рекомендована в печать 28 марта 2016 г.

Контактная информация:

Мовнина Наталья Савельевна — кандидат филологических наук, доцент; n.movnina@spbu.ru
Movnina Natalia S. — PhD, Associate Professor; n.movnina@spbu.ru